

УДК 94(495)

К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКОМ ФЕОДАЛИЗМЕ: СПЕЦИФИКА ЗЕМЕЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО РАННЕЙ РЕДАКЦИИ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ЗАКОНА

Максимов Всеволод Дмитриевич, магистрант, направление подготовки 46.04.01 Становление современной западной цивилизации, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
e-mail: dovlsolve@yandex.com

Научный руководитель: **Мехамадиев Евгений Александрович**, доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Средних веков, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург
e-mail: mehamadiev@gmail.com

***Аннотация.** Для медиевистики вопрос устройства земельных и социальных отношений в обществе является крайне важным. Это обусловлено спецификой статуса земли как ценности в средневековом обществе. Византия в свою очередь сильно отличается от прочих государственных образований того времени, в связи с этим разумным видится рассмотреть данные ключевые вопросы в контексте византийского государства. Мы пытаемся сопоставить классические черты европейского средневекового общества с непосредственными примерами из общества византийского, пользуясь при этом сообщениями наиболее показательного и информативного в этом отношении источника – Земледельческого закона ранней редакции. В ходе исследования нами были обнаружены некоторые специфические черты, не свойственные классическому средневековому обществу.*

***Ключевые слова:** Византия, феодализм, Земледельческий закон, социальные отношения, земельные отношения, общество.*

***Для цитирования:** Максимов В. Д. К вопросу о византийском феодализме: специфика земельных и социальных отношений по ранней редакции Земледельческого закона // Шаг в науку. – 2024. – № 4. – С. 114–118.*

TO THE ISSUE OF BYZANTINE FEUDALISM: THE SPECIFICS OF LAND AND SOCIAL RELATIONS ACCORDING TO THE EARLY VERSION OF THE AGRICULTURAL LAW

Maksimov Vsevolod Dmitrievich, postgraduate student, training program 46.04.01 The Formation of Modern Western Civilization, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg
e-mail: dovlsolve@yandex.com

Research advisor: **Mehamadiev Evgeny Aleksandrovich**, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of the Middle Ages, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg
e-mail: mehamadiev@gmail.com

***Abstract.** For medieval studies, the issue of the structure of land and social relations in society is extremely important. This is due to the specifics of the status of land as a value in medieval society. Byzantium, in turn, is very different from other state entities of that time, and therefore it seems reasonable to consider these key issues in the context of the Byzantine state. We are trying to compare the classical features of the European medieval society with direct examples from the Byzantine society, using the reports of the most revealing and informative source in this regard – the agricultural law of the early edition. In the course of our research, we have discovered some specific features that are not typical of classical medieval society.*

***Key words:** Byzantium, feudalism, Agricultural law, social relations, land relations, society.*

***Cite as:** Maksimov, V. D. (2024) [To the issue of Byzantine Feudalism: the specifics of land and social relations according to the early version of the Agricultural Law]. *Shag v nauku* [Step into science]. Vol. 4, pp. 114–118.*

В исторической науке существует целый ряд проблем, которые отличаются высоким уровнем дискусионности на всех этапах их истории. Понятие феодализма один из ярчайших тому примеров. Феодализм (нем. Feudalismus, франц. féodalité) восходит к словам «феод», (позднелат. feodum, feudum) происходящему от древненемецких fe – «верность» и od – «владение», и «феодал» [4, с. 50–76]. Зародившись как обозначение «старого порядка», впервые как исторический термин «феодализм» был приведён в работе французского историка и политолога Анри де Буленвиле «История древнего политического строя Франции» в 1727 году. С тех пор понятие прошло большой и сложный путь.

На данный момент, конечно, феодализм воспринимается научным сообществом как конструкция крайне специфическая. С одной стороны, термин, как и теория его дополняющая, упрощает восприятие средневекового общества в ретроспективе. Это удобный конструкт, которым можно объяснить положение дел, приоритеты людей и государств в Средние века, тем более, если его использовать в контексте небезызвестного марксистского подхода.

Неоднократно предпринимались попытки переосмысления данного термина, последняя крупная из которых относится к нашумевшей «Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted» авторства британской исследовательницы Сьюзан Рейнольдс [2, с. 50, 8]. Важно понимать, что феодализм – не панацея медиевиста, это лишь модель, бесспорно удобная, но все же модель, что упрощает взаимодействие с историческим прошлым. В контексте такого подхода разумной выглядит попытка ограничить дискурс лишь свойственными «феодальной Европе», которая и является главным полем применения феодализма как модели, чертами, которые объединяют столь разрозненное исторически и культурно пространство.

Условно классическими странами «феодального» уклада являются, конечно, Франция и Священная Римская империя (несколько в меньшей мере). Для них ключевыми аспектами «феодализма» являются следующие признаки: четкая система соподчинения и несения службы феодалов; вассально-ленная система как её продолжение; участие и ключевая роль феодалов в административном делении государства; вертикальная система налогов и податей: от крестьянской барщины, до налогов от вассала сюзерену; участие всех феодалов в военном обустройстве страны, и эксплуатацию крестьянства, земледелие в качестве основополагающего способа хозяйственного обеспечения государства. Отдельно следует отметить специфику положения крестьянства в социальном и земельном отношении, сохранялись общинные

порядки и собственность, сдерживавшие в Западной Европе рост мелкой и средней крестьянской частной собственности – это не характерный признак, но очевидное следствие из тех условий, в которых развивалась Европа рассматриваемой хронологии [5].

Однако средневековая Европа ими одними не ограничивается, что и является, важно отметить, одной из неровностей преломления сквозь призму феодализма исторической действительности. Цивилизацией, что развивалась параллельно и оказалась спутником средневековья как эпохи (в классической, какой бы дискусионной она не была, периодизации) является Византия. Рассуждения об отношениях её с Западом – дело отдельного исследования, но не отметить данную, бесспорно сложную, проблему в контексте нашей темы было бы недопустимо.

Специфика византийского общества во многом определяется историческим контекстом: условия зарождения государства (духовный, политический, социальный кризисы Римской империи), внешние обстоятельства (варварские набеги и массовая миграция славян на территории империи как частный сюжет, возникающий позднее халифат, турецкая угроза), столкновение традиций и практических нужд современного общества. Безусловно, отличий во многих отношениях со странами «классики» феодализма огромное число. Данный дискурс уже имеет богатую историографию. Однако рассмотрение частных черт византийского общества во взаимосвязи с рассмотренной выше проблематикой, в свою очередь, видится делом вполне перспективным.

Считается, что феодализм в Византии в том или ином виде (если мы условимся, что этот термин справедливо использовать в контексте истории империи) начал формироваться после начала «славянской колонизации», тогда начался процесс адаптации государства к новым условиям, появлялись новые политические, социальные и экономические институты, менялись земельные отношения, что особенно важно при рассмотрении вопроса феодализации страны [3].

Проблема социальных отношений и, особенно, земельный вопрос – вот те вопросы, которые следует выделить. Безусловно, уже имеется целый ряд исследований, практически полностью посвященных данной проблеме. В этой связи разумным видится сузить поле исследования до конкретного источника, несущего контекстуально достаточные известия.

Документом, уникальным по своему значению, характеризующим и положение подчиненных империи общин в системе Византийского государства, их быт, технику сельского хозяйства, социальный состав, процесс внутреннего расслоения, формы эксплуатации является «Земледельческий закон».

Памятник этот, относимый большинством исследователей к числу источников права иконоборческой эпохи, является почти единственным источником наших сведений по аграрному строю империи того времени. Призванный урегулировать жизнь византийской деревни и упорядочить хозяйственную деятельность свободной крестьянской общины, «Земледельческий закон» зафиксировал нормы обычного права в сочетании с заимствованиями из классического римского законодательства. Вместе с тем «Земледельческий закон» принципиально отличается от других ранневизантийских кодексов, он испытал влияние юридической традиции славянских колоний, возникших на Балканах и в Малой Азии в VII–VIII вв. [1, с. 14].

Документ действовал на территориях империи практически до конца её государственности, в связи с этим сохранилось огромное количество рукописей на разнообразных языках: от оригинального – греческого, до славянских (древнерусского, сербского, более того, румынского) и датированных совершенно разными периодами истории страны, поэтому определить с предметом критики внешних особенностей памятника крайне тяжело [7, с. 27].

Но так или иначе, рассматривая всевозможные издания ранней редакции документа, можно отметить практически полное соответствие текстов в них, что свидетельствует о наличии одного первоисточника, и об их достоверности как следствие этого. На русском языке Земледельческий закон был опубликован достаточно поздно, лишь во второй половине XX века. В 1984 году было издано критическое его издание, которым мы и руководствовались при изучении рассматриваемого вопроса [1].

Leges Rusticae на лагыни, или Nomos Georgikos на греческом в транскрипции – источник весьма и весьма неоднозначный. С одной стороны, он содержит немало отсылок на предшествующую юридическую традицию, но с другой – разительно от неё отличается. Так, будучи тесно связанным с другим похожим памятником иконоборческой эпохи – Эклогой (М. Хэмфрис, например, чуть ли не прямым текстом называет Nomos Georgikos второй эклогой [6, с. 169]), он больше напоминает по содержанию варварские «правды» – Салическую и прочие.

Выбранный для анализа источник во многом уникален, учитывая его направленность важно условиться на том, что выводы, сделанные на основании текста Закона, во многом требуют дополнения аналогичными изысканиями и других сфер жизни византийского общества. Политическая сторона вопроса (административная система, система взаимодействия власти на местах – в фемах и имперского административного аппарата), вопрос крупной собственности, экономи-

ческая составляющая... Все это достойно отдельных специальных исследований и должно учитываться при составлении общей картины глобального вопроса.

Следует определиться с теми вопросами, которые должны быть рассмотрены и из которых в дальнейшем логично будет вывести предстоящие к анализу аспекты данной темы. Учитывая специфику исследуемого документа – это, прежде всего, взаимосвязь социального положения и земельного вопроса, а именно то, на каких основаниях те или иные слои населения работали на земле, как были с ней связаны, какие экономические выгоды с неё получали, какую ответственность несли.

Методология исследования во многом стандартна (в контексте источника, выбранного в качестве объекта анализа), изучив нарративную составляющую, что является здесь основной, разумеется, необходимо обратить внимание и на лингвистическую составляющую. На основании проанализированного текста можно будет уже прибегнуть к моделированию определенной вышесферы жизни византийского общества.

Вошедшие в Земледельческий закон правовые нормы были направлены на урегулирование наиболее типичных конфликтов, возникавших в рамках сельских общин. Большое внимание в нем уделялось соблюдению границ смежных участков, последствиям самовольной распашки земли, обмену земельными участками [1].

В казуистической манере сформулированы многочисленные статьи Земледельческого закона, устанавливающие ответственность за кражу чужого скота, сельскохозяйственного инвентаря, за порубку чужого леса и т. п. В большинстве случаев кражи или порча чужого имущества влекли за собой только имущественные санкции, которые имели своей целью, прежде всего, возмещение причиненного вреда.

Но в тех случаях, когда ущерб был особо значителен и тем самым угрожал развивающимся частнособственническим порядкам, применялись членовредительские и телесные наказания (отсечение руки у вора, поджигателя чужого сарая и т. п.) и даже смертная казнь (за сожжение из мести чужого гумна, за большинство краж, совершенных рабами).

Помимо прочего, закон защищает и формирующееся мелкое землевладение, и частную собственность как следствие из него. В статьях можно увидеть приоритет земельной собственности над практическими и логическими источниками того или иного продукта труда (статьи 1–2) [1].

1. «Земледельцу, возделывающему свое поле, следует быть справедливым и не переступать межи соседа; если же кто-либо переступит и умалит долю соседа своего, то если он сделал это во время рас-

пашки нови, лишается своей нови, если же он сделал это нарушение во время посева то лишается и посева, и пашни, и урожая переступивший границу земледелец».

2. «Если какой-либо земледелец без ведома хозяина земли войдет и распашет новь и засеет, то не получит он не только за труд по распашке нови, но ни урожая за посев, ни даже семени, уже засеянного».

Важное значение придается аренде земли и виноградников. В Земледельческом законе особо оговариваются интересы государственной казны, взимающей с владельцев земельных участков подати, а также экстраординарные налоги (статьи 18–19).

18. «Если не имеющий средств для обработки своего поля земледелец бежал и ушел в чужие края, то пусть ответственные перед казной за подати обирают плоды, и не имеет права возвратившийся назад земледелец взыскивать с них что-либо»

19. «Если земледелец, убежавший с своего поля, платит [платил] ежегодно казенные экстраординарные налоги, то пусть собирающие плоды и пользующиеся его полем понесут ответственность в двойном размере».

При этом, об общинных порядках наиболее убедительно свидетельствует статья 8, предусматривающая распределение земельных участков по жребью.

8. «Если был произведен раздел несправедливо для некоторых в жребиях и в местоположении, пусть позволено будет аннулировать произведенный раздел».

Имели место гражданские договоры, возможные к заключению и в устной форме, что весьма примечательно (статьи 3–4) [1].

3. «Если договорились друг с другом два земледельца перед двумя или тремя свидетелями обменяться землями и договорились бы окончательно, пусть остается их обмен законным, прочным и непоколебимым».

4. «Если два земледельца договорились обменяться землями на время посева, и одна сторона отступится, то, если семя засеяно, пусть не расторгнут договора; если же не засеяно, пусть расторгнут. Если отступившийся не вспахал нови, другой же вспахал, пусть распашет и отступившийся, и тогда расторгнут [договор]».

Особенно интересна практика найма земледельцев. В тексте одной из статей (16-ой) фигурирует понятие задатка в контексте аванса за работу по обработке земли. Это может свидетельствовать об институте найма рабочих.

16. «Если земледелец, взявшийся возделывать виноградник или землю, договорился с хозяином и, взяв задаток, приступил к работе, но, отступившись, оставит его, пусть отдаст справедливую цену поля и поле хозяину его».

Подобный статус приписывается и пастухам. Также рассматривая их положение в обществе, интересно отметить санкции, применявшиеся непосредственно к ним (статьи 25–27) [1].

25. «Если пастух утром примет от земледельца быка и бык, отбившись от стада, уйдет и войдет на возделанные земли или виноградники и причинит ущерб [потраву], то не будет лишен пастух наемной платы, но возместит весь ущерб».

26. «Если пастух принял быка у земледельца и бык пропал без вести, то пусть поклянется [пастух] именем господа, что не поступил с ним злонамеренно, что не причастен к гибели быка, и не будет нести ответственности за убытки».

27. «Если пастух утром принял у земледельца быка невредимого и здорового и случится ему пораниться или ослепнуть, пусть поклянется пастух, что не поступил с ним злонамеренно, и да будет неответственным за убытки».

Однако, несмотря на кажущуюся общинность описываемого уклада, продолжает существовать и рабство. Особенно следует отметить те санкции, что применяются к рабам при тех или иных проступках, что особенно интересно в контексте санкций, применяемых к пастухам за подобные содеяния (статьи 45–46, 71–72) [1]:

45. «Если какой-либо раб зарежет быка или барана, или свинью в чаще леса, то господин его отдаст скотину».

46. «Если какой-либо раб, желая совершить ночью кражу, угонит из загона овец и если они погибнут или будут съедены дикими зверями, то пусть будет казнен на фурке, как убийца».

71. «Если рабу передана для пастьбы скотина без ведома хозяина его [раба] и затем [в вариантах: поэтому] раб продаст ее или как-либо иначе сделает ее непригодной, пусть не ответственен будет и раб и хозяин его».

72. «Если с ведома хозяина примет раб каким бы то ни было образом животных и съест или как-либо иначе уничтожит их, хозяин раба возместит ущерб хозяину животных».

В тексте памятника упоминается целый ряд наименований социальных слоев. Земледелец, мортит (морта – арендная плата, равна 1/10 урожая; мортит – арендатор, уплачивающий морту хозяину земли), Земледавец (статьи 9–10). При этом заметна дифференциация по отношению к земле [1].

9. «Если земледелец-мортит сжал без ведома земледавца и собрал снопы его, то, как вор, будет лишен всех своих плодов».

10. «Доля мортита – девять снопов; доля же земледавца – один сноп. Разделивший иначе, да будет проклят богом».

Отдельно стоит отметить статус общины, что упоминается в тексте и как «общая земля», и как общность членов общины:

81. «Если кто-либо живущий в селении определил, что общинная земля [букв.: общее место] пригодна для сооружения мельницы, и займет ее и если затем после окончания сооружения сельская община [в вариантах: члены общины] заявит хозяину мельницы, что он присвоил себе общинную землю [букв.: общее место], пусть отдадут ему все причитающиеся платежи за издержки по устройству и станут сотоварищами с прежде сделавшим».

Земледельческий закон несет в себе информацию весьма и весьма противоречивую. Несмотря на простоту изложения текста и очевидную его направленность на свободных общинных земледельцев – хозяев, зачастую своей земли, вышедших, судя по всему, родом из славян, наводнивших империю к моменту написания документа, здесь же имеются свидетельства сложных гражданских отношений, существовавших в обществе (практика найма, возможность произведения определенных операций с землей без контроля со стороны местных и центральных властей, что, в свою очередь, свидетельствует о наличии частной собственности).

Земледельческий закон дает представление об устройстве земельных, социально-хозяйственных отношений в Византии, несет сведения о социальной иерархии, об устройстве общины и специфике собственности. Исходя из внутренней критики источника, можно сделать вывод о наличии специфических, не подходящих под определение феодальных отношений в государстве. Наряду с ростом частнособственнических отношений, фиксируется сохранение старых тенденций и явлений позднеантичного общества, таких как рабство (например, пастух – свободный крестьянин, пусть и наемный, в случае порчи или потери скота, не подлежит смертной казни или штрафу, он обходится просто клятвой, а раб обязательно подлежит наказанию). Аналога крестьянско-сеньоральных отношений уследить также не представляется возможным. Особого контроля со стороны государства на уровне сельских общин и частных владений не наблюдается. При этом, несомненно, растет роль земли в жизни государства, сам факт существования общинных собственности и порядков на территории государства свидетельствует о существенных изменениях в византийском обществе. Это говорит о переходном характере общества и еще раз подчеркивает специфику византийского феодализма.

Литература

1. Византийский Земледельческий закон : Текст. исслед., коммент. / [АН СССР, Ленингр. отд-ние Ин-та истории СССР]; Подгот. Е. Э. Липшиц и др. – Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние, 1984. – 280 с.
2. Дубровский И. В. Как я понимаю феодализм // Одиссей. Человек в истории. Феодализм перед судом историков. – 2006. – С. 50–62.
3. Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII - первая половина IX в. – М.; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961. – 482 с.
4. Политика. Толковый словарь / Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем, и др., общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М. – М.: ИНФРА-М: Весь Мир, 2001 – 761 с.
5. Худокормов А. Г. Классический феодализм во Франции в период «высокого Средневековья» (социально-экономические аспекты) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2014. – Т. 6, № 4(14). – С. 5–22.
6. Humphreys M. T. G. (2015) *Law, Power, and Imperial Ideology in the Iconoclast Era. c.680-850*, Oxford: Oxford university press. 312 p. (In Eng.).
7. Lemerle P. (1979) *The agrarian history of Byzantium from the origins to the twelfth century: the sources and problems*. Officina Typographica, Galway University Press. 272 p. (In Eng.).
8. Reynolds S. (1994) *Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted*. Oxford: Clarendon Press. 544 p. (In Eng.).

Статья поступила в редакцию: 17.06.2024; принята в печать: 27.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.